

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 05.04.2022
рецензирование: 18.05.2022
принятие: 28.05.2022

Языковые образы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»

М.В. Беззубикова

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация
E-mail: mv55@yandex.ru. ORCID: <http://org/0000-0001-8783-3037>

Ш. Пиаврай

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: 1426229@bsu.edu.ru.

Аннотация: Рассматривается дискурсивно-когнитивная природа «языкового образа», интегрирующего в себе (а) предметно-чувственное представление – когнитивный субстрат феномена, (б) образное слово, выступающее его вербальным экспонентом, и (в) дискурсивно-ассоциативную архитектуру коммуникативно-событийных смыслов концепта, проецирующего соответствующий языковой образ. Особая роль в создании языкового образа отводится нарративному дискурсу – той речемыслительной среде, в которой формируется порождающий образ контекст с эффектом присутствия повествователя. Красной нитью проводится мысль о том, что именно нарративный дискурс обеспечивает языковым образам способность передавать субъективное видение переживаемых фрагментов коммуникативного события. Дискурсивное расширение механизмов наполнения символических концептов автохтонными образами раскрывает в путевых очерках богатую и многоликую палитру восточной картины мира. С опорой на выделенные компоненты языкового образа осуществляется извлечение содержащихся в предметных значениях слов этнокультурных смыслов, которые в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» служат созданию живописного экзотического колорита.

Ключевые слова: языковой образ; дискурс; текст; значение; смысл; когнитивная метафора; символ; восточный колорит.

Цитирование. Беззубикова М.В., Пиаврай Ш. Языковые образы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 116–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-116-123>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Беззубикова М.В., Пиаврай Ш., 2022

Марина Валерьевна Беззубикова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет, 414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а.

Пиаврай Шамсуддин – аспирант, кафедра русского языка и русской литературы, факультет историко-филологический, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 05.04.2022
Revised: 18.05.2022
Accepted: 28.05.2022

Linguistic images in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzum»

M.V. Bezzubikova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation
E-mail: mv55@yandex.ru. ORCID: <http://org/0000-0001-8783-3037>

Sh. Piavrai

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation
E-mail: 1426229@bsu.edu.ru.

Abstract: The discursive-cognitive nature of the «linguistic image» includes: (a) a subject-sensory representation (the cognitive substrate of the phenomenon), (b) a figurative word acting as its verbal exponent (c) a discursive-associative architectonics of the communicative-event meanings of the concept projecting the corresponding linguistic image. Narrative discourse plays a special role in creating a linguistic image. In this speech-thinking environment, an image-generating context is formed with the effect of the presence of the narrator. The main idea is that narrative discourse provides the ability to convey a subjective vision of the experienced fragments of a communicative event with the help of a linguistic image. Discursive expansion fills symbolic concepts with autochthonous images and reveals in travel essays a rich and multifaceted palette of the eastern worldview. The extraction of ethno-cultural meanings is based on the selected components of the linguistic image. Ethnocultural meanings serve to create a picturesque exotic flavor in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzum».

Key words: language image; discourse; text; meaning; sense; cognitive metaphor; symbol; oriental flavor.

Citation. Bezzubikova M.V., Piavrai Sh. Linguistic images in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzrum». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 116–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-116-123>. (In Russ.)

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Bezzubikova M.V., Piavrai Sh., 2022

Marina V. Bezzubikova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Modern Russian, Astrakhan State University, 20 a, Tatishcheva Street, Astrakhan, 414056, Russian Federation.

Piavrai Shamsuddin – postgraduate student, Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Вводные обоснования

По речезанровому своеобразие «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина определяется как очерк-travelogue – описание в ярких языковых образах лично пережитых кавказских впечатлений в турецком походе 1829 года. Феномен языкового образа генетически связан с понятиями «образ» и «образность». Хотя последние в лингвопоэтике являются азбучными, природа и сущность языкового образа еще ждут своего дискурсивно-когнитивного обоснования. Это объясняется, на наш взгляд, не только многозначностью лексемы *образ*, но и ее эврисемичностью. Понятие «языковой образ» интегрирует в себе (а) предметно-чувственное представление – свой когнитивный субстрат, (б) образное слово, выступающее его вербальным репрезентантом, и (в) дискурсивно-ассоциативную архитектуру коммуникативно-событийных смыслов концепта, проецирующего в нарративном дискурсе соответствующий языковой образ. Нарративный дискурс, в отличие от простого рассказа, – это та речемыслительная среда некоей личностной истории, в которой порождается образный контекст с эффектом присутствия автора-повествователя.

С точки зрения нарративного дискурса о б р а з – субъективное (авторское) видение тех или иных фрагментов коммуникативного события. Оно обусловливается по крайней мере двумя обстоятельствами: а) его чувственно воспринимаемыми элементами и б) дискурсивно-модусными факторами текстопорождения. Первое связано с когнитивно-психическими закономерностями отражения картины мира на уровне ощущения и восприятия тех образов, которые оказались в эпицентре переживаний Пушкина. Второе определяется интенциональностью автора как языковой личности и ее конструктами: выстраиванием пространственного континуума и мысленным разворачиванием события в его временной последовательности. При этом второе обогащает первое, то есть преобразует гештальт – целостное восприятие картины мира (предметных реалий Кавказа) в художественную картину мира, где образы чувственного восприятия подвергаются нарративно-дискурсивному анализу, в результате которого они выполняют в тексте корректирующую, когнитивную и эмотивную функции. Для их осмысления нами применяется разработанный проф. Н.Ф. Алефиренко «дискурсивно-герменевтический анализ, который вклю-

чает в себя (а) интерпретацию внешнего (историко-культурного) контекста и (б) внутренний контекстуальный анализ» с учетом дискурсивно-смысловых связей конкретного речевого произведения [Алефиренко 2004, с. 6–14].

Исследуемые функции вызваны когнитивно-эстетическими потребностями обоих участников дискурсии: автора нарративно-дискурсивной деятельности и реципиентов (читателей) ее продукта – художественного текста. Эта потребность возникает вполне закономерно для выражения интеллектуально-эмоционального отношения к коммуникативному событию в виде различных этнокультурных коннотаций.

1. Языковые образы в «Путешествии в Арзрум», как и любом художественном тексте, являются вторичными конструктами, наполняющими узуальные значения слов-репрезентантов дискурсивно-модусными смыслами. В этом, как нам представляется, заключается коммуникативно-когнитивный механизм формирования в нарративном дискурсе художественного концепта. В процессе его вербализации обыденное слово превращается в образное слово, материально проявляющее духовную энергию языковой личности писателя. Такого рода превращение осуществляется путем обогащения эмпирической (образной) составляющей лексического значения слова нарративно-модусными семами. Дело в том, что любое слово содержит в своей семантической структуре эмпирический (образный) элемент (Бибчук 1991). Как полагает И.А. Стернин, «эмпирический компонент значения знака – это закрепленный за знаком обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета или явления» [Стернин, Розенфельд 2008, с. 11].

2. Понимание дискурсивно-ассоциативной архитектуры языковой образности опирается на особую концепцию дискурса. Традиционно под этим феноменом понимается речь или совокупность речевых произведений одного автора. Мы же рассматриваем его в когнитивном аспекте, как сложное *коммуникативно-мыслительное событие*. При этом и событие воспринимается не в обыденном его истолковании (происшествие, факт, эпизод в жизни). В речемыслительном ракурсе событие является «неким личностным конструктом – идеей или мыслительной конфигурацией сценария воспринимаемого объекта» [Алефиренко 2003, с. 3]. Коммуникативно-когнитивный статус такого

личностного конструкта подчеркивает главное свойство дискурса: гипотетически моделируемое построение, в котором фиксируется и воспроизводится субъективное видение определенного фрагмента переживаемой ситуации, в рамках которого координируется речевое поведение персонажей событийного полотна. Для комплексной интерпретации языковых образов дискурс привлекается потому, что он, обретаясь в тексте, содержит в своей структуре различные внетекстовые источники смысловых коннотаций, способствующих извлечению скрытого, нередко ситуативно-прагматического, подтекста. Прагматику художественного дискурса составляют: (а) само *коммуникативное событие*, (б) оказавшиеся в фокусе внимания участники отображаемого эпизода; в) отношения между ними; (г) обстоятельства, данное событие сопровождающие; (д) вспомогательные детали в речевых портретах персонажей; (е) впечатления автора от лично воспринимаемых их реальных прототипах.

Виртуальная организация выстраиваемого коммуникативного события образуется разнородными составляющими: (а) совокупностью концептов, создающих художественную картину мира, и (б) синергией (нелинейным сопряжением) языковой и невербальной семиотики (изобразительной, эмоциональной и ценностно-смысловой). Разномодусная полифония такой синергии представляет зафиксированные сознанием знания и представления автора об историко-культурном континууме данного коммуникативного события.

В свете представленного выше методологического пассажа языковые образы коммуникативного события интерпретируются нами как эмоциональные элементы, служащие его художественной репрезентации и «оживлению» картины кавказского мира через личностное отношение к нему автора. С *коммуникативным* событием мы соотносим *дискурсивное* событие, которое, в отличие от реального события, является культурно обусловленным построением в виде своего рода когнитивной партитуры. Это порождаемая дискурсивным сознанием семантическая запись полифонического кодирования целостного языкового образа в соответствии с художественным замыслом автора.

1. Языковые образы – дискурсивный субстрат речевой образности

Критический анализ существующих исследований образной речи [Блинова 1983; Розенфельд 2006; Смирнов 1981; Фрейденберг 1998; Юрина 2005] дает основание считать языковые образы сложными и неоднородными феноменами. В силу этого они должны рассматриваться в разных аспектах: собственно лингвистическом, лингвостилистическом и лингвокогнитивном. В эпицентр исследований попадают как индивидуально-авторские, так и контаминированные образные модели – идеальные зрительные представления, схваченные нарративным дискурсом.

В художественном тексте они служат когнитивным основанием для создания языковых образов. Можно предположить, что образное отражение действительности происходит как в ассоциативно-семиотической системе художественного освоения описываемого события, так и в речемыслительной системе. Предметно-чувственный образ трактуется нами как «единица образной системы языка, как единица речемыслительной деятельности, как единица хранения информации» [Илюхина 1998, с. 7]. Тем самым становится возможным дискурсивно-когнитивное сопряжение в языковом образе слова и чувственного представления вербализуемой реалии. Такое сопряжение порождает тот личностный конструкт, который служит поэту средством создания оценочного, коннотативного видения коммуникативного события и воплощения его в художественных языковых образах. Являясь личностными конструктами, языковые образы служат Пушкину средством интерпретации переживаемого им коммуникативного события. В процессе интерпретации фрагменты коммуникативного события структурируются и наделяются значениями с помощью слов-репрезентантов. Такой «широкий, интегральный подход к пониманию структуры значения слова, – пишет Н.А. Илюхина, – сближает категорию лексического значения – как в объеме, контурах, так и в логико-эмпирическом характере слагаемых его ядра – с категорией семантической структуры образа» [Илюхина 1998, с. 7]. В развитие и конкретизации этой мысли, Е.А. Юрина предлагает различать образ-1 (первичный предметно-чувственный) и образ-2 (вторичный ассоциативно-смысловой). В понимании Е.А. Юриной, образ-1 располагает эмпирическим содержанием, а образ-2 – двуплановым содержанием [Юрина 2005, с. 13]. Чувственно-наглядный образ (образ 1) связан с предметно-логическим содержанием лексической единицы и равноценно отражает обозначенный этим словом объект.

2. Лексические репрезентации языковых образов

Восточные языковые образы в «Путешествии в Арзрум» (далее – «Путешествии») представлены разными по типологии лексическими единицами. Особую роль играют онимы (топонимы и антропонимы).

1. **Топонимы** служат созданию в нарративном дискурсе хронотопного колорита – исторического и этнокультурного фона, на котором разворачиваются те или иные события. В одних случаях они используются Пушкиным для панорамного отражения воспринимаемых впечатлений, в других – для передачи личных переживаний. Как отмечает Н.Д. Абдалкарем, «топонимия “Путешествия в Арзрум” отражает древнюю историю Кавказа: от еще шумеро-вавилонского влияния до современных Пушкину грузинских, армянских, тюркских и персидских названий» (Абдалкарем 2015, с. 15). Репрезентатами этой разновидности этнокультуры являются используемые писателем гео-

графические названия: а) стран – *Грузия, Армения, Коби (Чечня)*, б) городов – *Тифлис, Арзрум, Арпачай, Карс*, в) сел – *Ларс, Гергеры*; г) гидронимы – *Аракс, Арагва, Кура, Терек, Мури*; д) названия гор – *Саган-Лу, Гут, Казбек, Безобдал*; е) природных ландшафтов и оборонительных сооружений – *Дариальское ущелье, Кайшаурская долина, крепость Гассан-Кале*. По сути, такие топонимы служат у Пушкина не просто географическими именованиями, а «репрезентантами геоконцептов» (термин В.Н. Калущкова). «Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом» [Калущков 2015, с. 6]. Так, старое название грузинского города *Тифлис* и культурно-исторического памятника *Тифлисские бани*, в которых парился Пушкин, связаны с упоминаемой в тексте «Путешествия» романтической легендой, раскрывающей тайну этого геоконцепта. Она гласит о том, как грузинский царь Вахтанг Горгасали во время охоты на фазана выпустил сокола, который долго не возвращался к хозяину. В результате поиска ловчей птицы Вахтанг обнаружил ее вместе с фазаном, сваренным в горячем источнике. На том месте царь повелел соорудить баньку, вокруг которой и застроился Тифлис. Кстати, современное название города *Тбилиси* также хранит отголосок этой легенды. Топоним *Тбиладо* зафиксирован на римской карте IV века. Происходит он от слова *тбили* – ‘теплый’. В «Путешествии» дается следующее описание: «Персианин ввел меня в бани: горячий, железно-серый источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее **тифлиссских бань**» (с. 398).

Подобные геоконцепты представляют также названия *Дариальское ущелье, Гуд-Гора, Кайшаурская долина, крепость Гассан-Кале*.

Внешний фон геоконцепта «Дарьяльское ущелье» формирует впечатляющая реальная картина: самородный грандиозный разлом Бокового хребта водораздельной горной системы, называемой Большим Кавказом. По дну разлома бушует строптивый Терек, а на востоке от ущелья возвышается Казбек. Важную роль в формировании геоконцепта играют пресуппозиции: стратегический объект ущелья называют еще Кавказскими, Иберийскими и Сарматскими воротами. Впервые зафиксированный историками топоним фортификационного сооружения являлся персидской номинацией *Дари-Алан* (Дариал) – «Ворота алан». Аланы – ираноязычные кочевые племена скифо-сарматского этногенеза, не раз потрясавшие опустошительными набегами сопредельные земли. Поражают воображение легенды и предания, ставшие, в частности, основанием стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тамара».

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.*

Впечатляющие воображение строки, известные со школы большинству людей, повлияли на вторичное наименование геоконцепта. Бывшее оборонительное сооружение ныне называют «замок царицы Тамары». Этот образный потенциал усиливается внутренним контекстом очерка: «*В семи верстах от Ларса находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синет над вашей головою*» (с. 391). И дальше следующее описание: «*Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелью...*» (с. 392).

В не менее поэтичном ореоле воспринимается в «Путешествии» геоконцепт «Гуд-Гора». Внешний его ярус образует реальная картина – удивительной конусообразной формы крутой склон кверху на краю ущелья. Со стороны склона слышны таинственно гудящие звуки. Впечатление усиливается тем, что здесь когда-то проезжали М.Ю. Лермонтов и А.С. Грибоедов. Внутренний ярус концепта содержит пушкинский контекст, насыщенный гиперболическими выражениями: «*Подъем на Гуд-гору по косоугроу преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка; едва можно различить на крутой уединенной горке осетинские жильья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки*».

Геоконцепт «Гассан-Кале», или «Хассан-Кале», – не только крепостное сооружение в Турецкой Армении, но и фрагмент из развалин генуэзской цитадели. Здесь, как сообщается в «Путешествии», ночевал Пушкин. Образный слой геоконцепта усиливается следующим контекстом: «*Гассан-Кале почитается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью*» (с. 416). «*Под стенами Гассан-Кале течет речка Мури; берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку*» (с. 417).

2. Антропонимы

В травелогe «Путешествие в Арзрум», путевом описании впечатлений от знакомства и общения с представителями разных народов, в глаза бросается насыщенность текста а н т р о п о н и м а м и. Выражению колорита эпохи способствуют архаичные наименования кавказских этносов: *персияне, грузинцы, осетинцы*. В тексте пестрят восточные личные имена разного происхождения: *тюркского (Бей-булат, Осман-паша, Топчи-паша); арабского (Ашит-отлу, Гассан, Мансур, Фазил-Хан); персидского (Хозрев-мирза, Гаджи-баба, Ага-Мохамед)*. Причем в целом антропонимы, создавая колоритную экзотику, весьма реалистично

характеризуют людей, с которыми соприкасается путешествуящий поэт. Они выполняют не только репрезентативную, но и познавательную, эмотивно-образную, коннотативную функцию (оценочную, экспрессивную и ассоциативно-модусную).

Привлекает внимание тюрко-персидское имя *Бей-булат* состоящее из двух частей: *бей* – турецкое слово ‘господин, правитель’; *булат* в персидском языке означает «сталь». Именно вторая часть антропонима преобразует его в метафорическое слово. Как известно, булат (сталь) с древнейших времен используется для изготовления клинков мечей, сабель, кинжалов, ножей. Человеку с таким именем приписывается воинствующий характер и дается характеризующая метафорическая проекция: «Славный Бей-булат, гроза Кавказа...» (с. 422). Следующая за антропонимом метафора *гроза Кавказа* создает языковой образ «очень опасного, наводящего ужас, внушающего сильный страх человека».

Все антропонимы можно разделить на две группы: а) широкозначные онимы, которыми называли любого высокопоставленного сановника султана, и б) имена собственные. В «Путешествии» антропоним *Осман-паша* сопровождается прежде всего историко-культурным фоном. Это титул Османской империи, дарованный самим султаном. С этноязыковой точки зрения турецкое слово *паша* (*paşa*) является сокращенным вариантом древнеперсидской лексемы *pāti-xšāya* (*падишах*) – ‘верховный правитель’. В пушкинском тексте данный антропоним называет персонажей, указывая на их знатное происхождение. Так, антропоним *Топчи-паша* именуется в «Путешествии» турецкого артиллерийского офицера, создавая атмосферу Русско-турецкой войны.

Другие антропонимы обладают историко-культурной значимостью, поскольку служили именами реальных личностей. Так, за антропонимом *Фазил-Хан* стоит образ персидского поэта, с которым Пушкин познакомился по дороге в Тифлис, у подножия Казбека. Как яркий языковой образ антропоним участвует в развитии сюжета и передает восточные впечатления писателя: «*Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека!*» (с. 393). Смысловое содержание образа углубляет лингвистическое истолкование слова. Арабо-тюркский антропоним состоит из двух компонентов. Первый – персидское имя собственное (арабского происхождения): *Фазил* (Фадил) означает «достойный, талантливый, превосходный». Второй (*хан*) – тюркский компонент запутанной этимологии. Изначально этим словом (тюрк. *кан*) называли властителя, монарха. Затем оно стало элементом сложносоставного имени собственного, обозначающим ‘господин’. Столь привлекательный этноязыковой ореол делает псевдоним персидского поэта весьма «говорящим»: он был безоговорочным духовно-нравственным авторитетом восточной цивилизации своего времени.

Не лишен этнокультурного ореола и антропоним *Хозрев-Мирза* – персидский принц, сын Аббас-Мирзы, преемника престола, на что указывает вторая часть антропонима *Мирза*: *мир* – ‘князь’, *заде* – ‘сын’. Первая часть *Хозре*, или *Хазрев*, как можно предположить, тоже представляет собой персидское слово с измененной финалью *Хазрет* – ‘высокопочтимый, господин, святой’. Оно играет роль определения ко второй части имени *Мирза*. Нарративно-дискурсивный образ восточного принца создает реалистическую картину описываемых в «Путешествии» военных событий. Ср.: «...и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, я встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище» (с. 395). А.С. Пушкин создает образ принца с большим почтением, представляя его отважным и смекалистым. Используя титул принца, повествователь подчеркивает социальную значимость человека в обществе. В тексте «Путешествия» нарративный дискурс нередко служит средством проникновения во внутренний мир персонажей. Показательным в этом плане является нарративный дискурс, изображающий встречу Пушкина с персидским поэтом Фазал-ханом: «...конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня **Фазил-Хану**. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда **Фазил-Хан** отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека!» (с. 393). Столь колоритная для восточной этнокультуры фигура представляется автором с изящной самоиронией. Его неуместная затейливость контрастирует с простым, хотя и учтивым общением персидского поэта.

Итак, существительные-онимы придают тексту «Путешествий» особый восточный колорит.

В создании языковых восточных образов немаловажную роль играет и адекватная лексика: *персидский принц, осетинский аул, осетинские разбойники, кахетинское вино, тифлисские бани, тифлисский климат, грузинские старухи, тегеранская чернь, азиатский шашлык, восточная бессмыслица, кавказские врата*. Имена прилагательные в основном выполняют конкретизирующую функцию.

3. Языковые образы нарративно-дискурсивного характера

Наряду с однословными репрезентациями образов в «Путешествии» используются нарративно-дискурсивные средства. В них комбинируются эгоповествовательная архитектура и описание

дискурсивной ситуации. Наиболее часто образы, представляемые бытовой и военной лексикой, сочетаются с этнографическими картинками. Ср.: «Он [Ермолов] был в зеленом черкесском **чекмене**. На стенах его кабинета висели **шашки и кинжалы**, памятники его владычества на Кавказе» (с. 384).

Чекмень – не просто этнографизм, служащий именованьем военного обмундирования или повседневной одежды в определенном этническом сообществе и получивший распространение в других лингвокультурах. Это слово выражает с и м в о л и ч е с к и й к о н ц е п т. У Пушкина его отличают (а) лингвокультурная смысловая гамма, (б) глубинная и многомерная интерпретанта и (в) этнокультурный эффект. Он представляет образ жизни, свидетельствует о приверженности к древней традиции. Колоратив *зеленый* отражает эстетические предпочтения в черкесском менталитете, не допуская в одежде вычурных и красочных цветов. Это цвет мусульманского рая, символ гармонии земного и небесного. Ермолов, надевший чекмень, выражает свое благонадежное отношение к региональной этнокультуре. К тому же чекмень был форменной одеждой и казаков (русские казаки называли свою одежду *черкесской*, а запорожцы подобный верхний суконный кафтан называли *кереей*).

Данная репрезентация символического концепта имеет прямую нарративно-дискурсивную связь с автохтонными предметными образами, которые обозначаются именами существительными *шашка* и *кинжал*, передающими статичные и динамические свойства соответствующих предметно-чувственных представлений. *Шашка* – ‘колющее и рубящее оружие со слегка изогнутым клином’; *кинжал* – ‘обоюдоострое колющее оружие с коротким клинком’. В тексте «Путешествия» эти лексемы приобретают фигуральный смысл и представляют собой вторичный, ассоциативный образ: «**Кинжал и шашка** суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать» (с. 389). Такие образы уже не служат прямым и беспристрастным отражением именуемых реалий. Они являются их лингвокреативным представлением и в силу этого носят исключительно изобразительно-выразительный характер. В нашем примере происходит преобразование чувственно-наглядных образов. Такой творческий акт приводит к категориальному сдвигу и переносу по сходству или по смежности, формирует вторичные ассоциативные образы. Языковые образы передают символический смысл: ‘**Кинжал и шашка** суть члены их тела’.

Конкретизирующие поэтические определения к словам с предметным значением в «Путешествии» выполняют художественно-поэтическую функцию, тем самым приоткрывая эстетическую подоснову идиостилия великого поэта. Так, в описаниях природы чаще всего обнаруживается изобразительная функция эпитетов. Наряду с этим описания природы содержат существенную качественную характеристику, которая взаимодействует

с образами людей, с изображением обстановки и тех сторон жизни, которые составляют главное содержание произведения. Определения-прилагательные оказываются важными в создании образа Терека: «*Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелье. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь*» (с. 390). «*Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания*» (с. 392). «*Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелья и грозный Терек*» (с. 395). Нередко для создания индивидуального образа писателем используются сравнения: «*Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов*» (с. 392). Шум реки ассоциируется с работой колес на мельнице. Такое уникальное сравнение отражает авторские предпочтения и создает индивидуальный образ.

Яркие языковые образы создаются дискурсивной контаминацией тропов и фигур речи при описании местности: «*Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает поведать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извинаящейся, как серебряная лента, – и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога*» (с. 395). Прилагательные-определения (от *грозного* Кавказа к *миловидной* Грузии) образуют яркую дискурсивную антитезу и создают этнокультурные коннотации. Эпитет *светлая* (Арагва) вызывает радужный эмоциональный отклик, истоками которого служат значения (а) ‘ясный, прозрачный’ и (б) ‘радостный, ничем не омраченный, приятный’. В образном сравнении дается оценка объектам художественного познания: кавказская река напоминает *извивающуюся серебряную ленту*. Повтор местоимения с предлогом (*с ее*) усиливает выразительность суггестии: «*Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой*».

Для описания автохтонных жилищ используются образные сравнения предметной экзотики с впечатлениями, взятыми из обыденного жизненного опыта: «*На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек*» (с. 391). В данном языковом образе сопоставляются разнородные предметы: *сакля* – (от груз. სახლი [сахли] ‘дом’) – сооруженные из камня жилища горцев и гнезда ласточек. Между компонентами конструкции устанавливается воображаемое сходство, где вторая часть предстает как метафорическая проекция первой. Схожесть горного расположения жилищ и гнезд птиц служит семантическим фокусом пересечения, рождающего наглядное представление –

когнитивный субстрат нарративно-дискурсивного образа.

Описывая Тифлис – сердце Грузии, А.С. Пушкин использует метафорические образы и создает уникальную картину местности: «Тифлис находится на берегу Куры в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветра и, раскаляясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух» (с. 399). Метафорический образ нарративного дискурса передает в предметно-чувственном восприятии неповторимый и причудливый пейзаж.

Заключение

Восточный колорит эпохи в travelogue А.С. Пушкина «Путешествии в Арзрум» создается особой категорией образного отражения коммуникативно значимых событий – «языковыми образами», содержащими в себе (а) предметно-чувственное представление, (б) образное слово, выступающее его вербальным репрезентантом, и (в) ассоциативную архитектуру дискурсивных смыслов художественного концепта, являющегося когнитивным основанием соответствующего языкового образа.

Наряду с однословными репрезентациями образов в «Путешествии» используются нарративно-дискурсивные средства. Это так называемые нарративно-дискурсивные образы – симбиоз эгоцентрической архитектуры коммуникативного события и выражение этнокультурной обстановки. Такая нарративно-дискурсивная палитра образного контекста создается дискурсивной контаминацией изобра-

зительной выразительности тропов и фигур речи, раскрывающих различные грани художественного концепта как эпицентра нарративного дискурса.

Идиостилистической приметой пушкинского «Путешествия в Арзрум» является создание нарративно-дискурсивных образов с помощью смыслового соположения онимов (прежде всего, топонимов и антропонимов) и нарицательных имен этнокультурного содержания. С помощью топонимов в нарративном дискурсе порождается особый хронотопный колорит – исторический и этнокультурный фон, на котором разворачиваются те или иные события. Антропонимы служат поэтизации художественного дискурса, поскольку служат культурно-историческими маркерами самобытной цивилизации, указывающими не только на принадлежность персонажа (носителя того или иного имени) к одному из восточных этносов, но и на его социокультурную значимость.

В этом плане обращают на себя внимание художественные репрезентации символических концептов в их дискурсивной связи с автохтонными предметными образами. Под пером Пушкина они представляют тонкую смысловую гамму чувств и переживаний, требующую глубинной и многомерной интерпретации.

В целом восточные языковые образы «Путешествия в Арзрум» наполнены этнокультурными и метафорическими смыслами, раскрывающими богатую и многоликую палитру художественной картины мира кавказского региона первых десятилетий XIX века.

Материалы исследования

Пушкин 1983 – Пушкин А.С. Проза / вступ. ст. и прим. Д. Благого. Москва: Правда, 1983. 464 с.

Абдалкарем 2015 – Абдалкарем Н.Д. К истории ориентального влияния на язык русской художественной литературы пушкинской эпохи (на примере «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 18 с.

Бибчук 1991 – Бибчук Е.И. Образный компонент в лексической структуре русского существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 16 с.

Библиографический список

Алефиренко 2003 – Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов. Санкт-Петербург, 2003. Т. 1. С. 9–11.

Алефиренко 2004 – Алефиренко Н.Ф. Содержательные импликации дискурса // Язык. Текст: межвуз. научный альманах. Вып. 2 / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь – ПГЛУ: Пятигорск, 2004. С. 6–14.

Блинова 1983 – Блинова О.И. Образность как категория лексикологии и фразеологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1983. С. 3–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29293224>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrapsr>.

Илюхина 1998 – Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Самарский университет, 1998. 204 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23148892>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmotfz>.

Калуцков 2015 – Калуцков В.Н. О трех столпах географической ономастики: топоним – географическое название – геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 7–13. URL: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2019/08/Kalutskov_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25462768>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlfgeh>.

Розенфельд 2006 – *Розенфельд М.Я.* Национальные образы в структуре значения слова // Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж, 2006. С. 197–203.

Смирнов 1981 – *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 15–29. URL: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf.

Стернин, Розенфельд 2008 – *Стернин И.А., Розенфельд М.Я.* Слово и образ: монография / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Slovo_i_obraz_2008.pdf.

Фрейденберг 1998 – *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие // Миф и литература древности. Москва, 1998. С. 223–558. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti.pdf.

Юрина 2005 – *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000204779/000204779.pdf>.

References

Alefirenko 2003 – *Alefirenko N.F.* (2003) Linguistic and cultural content of the concept of «discourse» in modern cognitive linguistics. In: *Russian word in world culture: materials of the X Congress MAPRYAL. Plenary sessions: collection of reports.* Saint Petersburg, vol. 1, pp. 9–11. (In Russ.)

Alefirenko 2004 – *Alefirenko N.F.* (2004) Meaningful implications of discourse. In: *Manaenko G.N. (Ed.) Language. Text: Interuniversity scientific almanac. Issue. 2.* Stavropol – PGLU: Pyatigorsk, pp. 6–14. (In Russ.)

Blinova 1983 – *Blinova O.I.* (1983) Figurativeness as a category of lexicology and phraseology. In: *Expressiveness of vocabulary and phraseology: Interuniversity collection of scientific papers.* Novosibirsk, pp. 3–11. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29293224>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrapsp>. (In Russ.)

Ilyukhina 1998 – *Ilyukhina N.A.* (1998) Image in the lexico-semantic aspect. Samara: Samarskii universitet, 204 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23148892>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmotfz>. (In Russ.)

Kalutskov 2015 – *Kalutskov V.N.* (2015) Three foundations of geographic onomastics: toponym – place name – geoconcept. *Socio Psycho Linguistic Research*, no. 3, pp. 7–13. Available at: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2019/08/Kalutskov_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25462768>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlfgeh>. (In Russ.)

Rozenfeld 2006 – *Rozenfeld M.Ya.* (2006) National images in the structure of the meaning of the word. In: *Communicative behavior of the Slavic peoples.* Voronezh, pp. 197–203. (In Russ.)

Smirnov 1981 – *Smirnov S.D.* (1981) The world of images and the image of the world. *Moscow University Psychology Bulletin*, no. 2, pp. 15–29. Available at: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf. (In Russ.)

Sternin 2008 – *Sternin I.A., Rozenfeld M.Ya.* (2008) Word and image: monograph; Sternin I.A. (Ed.). Voronezh: Istoki, 243 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Slovo_i_obraz_2008.pdf. (In Russ.)

Freydenberg 1998 – *Freydenberg O.M.* (1998) Image and notion. In: *Myth and literature of antiquity.* Moscow, pp. 223–558. Available at: http://www.sno.pro1.ru/lib/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti.pdf. (In Russ.)

Yurina 2005 – *Yurina E.A.* (2005) The figurative structure of the language. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 156 p. Available at: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000204779/000204779.pdf>. (In Russ.)